

18+

# София Мегель

ЕВРЕИ С УЛИЦЫ ШОПЕНА

София Шегель

**ЕВРЕИ С УЛИЦЫ ШОПЕНА**

«Издательские решения»

**Шегель С.**

ЕВРЕИ С УЛИЦЫ ШОПЕНА / С. Шегель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510176-1

Еще в библейские времена жену Лота предупреждали, чтоб не оглядывалась. А она все равно оглянулась — и превратилась в соляной столб. Но как тут не оглянуться, столько всего было — годы, дни, мгновения. Жизнь вроде бы течет медленно, а на самом деле пробегает так быстро! Вот и приходится оглядываться, всматриваться, осмысливать. Чтобы пережить еще раз. И оставить вам. Вы ведь хотите знать? Конечно, хотите. Тогда читайте, не бойтесь, я не окаменею. Я не жена Лота. София Шегель

ISBN 978-5-00-510176-1

© Шегель С.  
© Издательские решения

## Содержание

НАДО УСПЕТЬ	6
СОСЕДИ	8
САХАР БРОДСКОГО	11
МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ	16
ВЯЗЬ ВРЕМЕН-евреи с улицы Шопена	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

# **ЕВРЕИ С УЛИЦЫ ШОПЕНА**

## **София Шегель**

Виталий Аркадьевич Слуцкий *Дизайнер обложки*

© София Шегель, 2020

© Виталий Аркадьевич Слуцкий, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0176-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## НАДО УСПЕТЬ

Всякая война кончается миром. Всякая встреча кончается разлукой. Всякая любовь кончается... Это так же предопределено, как, помнишь, когда Аннушка пролила подсолнечное масло. Все на свете начинается невзначай, с мелочи, с пустяка. С подсолнечного масла...

Ты ведь помнишь, не можешь не помнить, потому что это был момент счастья, один из немногих. Момент полного, неизбывного, через край льющегося счастья. После так уже не было. Нет-нет, было и после хорошо, но по-другому, не так. Не так самодостаточно. А тогда мы пристали на высоком берегу реки, и был август, и река в отсветах заката была сиреневой и молчаливой, только часто всплескивали бобры, они несли свои ветки и бревна – строить хатки, и никто не мешал им, тогда не было охоты на бобров.

«Убить бобра – это все равно, что убить человека», – сказал кто-то с комическим ужасом в голосе, и мы долго смеялись и не могли остановиться. Мы тогда много, весело и беззаботно смеялись по всякому поводу, это было задолго до Чернобыля, и все еще были живы, и в воспоминаниях не откладывались утраты, как сегодня.

Ты помнишь, конечно же ты помнишь, не может быть, чтобы нет. Здесь, на нашем берегу, у самой кромки воды тоненько и малиново звенели крохотные колокольцы на удочках, когда рыба осторожно брала поклевку. И мы бежали с обрыва, от костра, спотыкаясь и смеясь, снова смеясь и радуясь, бежали наперегонки, чтобы успеть подсесть и вытащить трепещущую серебристую рыбку и полюбоваться ее свечением в последних отблесках сиреневатого заката, и снова вернуться к костру, тяжело карабкаясь на обрыв, хватаясь за корни и ветки, оцарапываясь и не чувствуя боли, только сплошной восторг...

А там, на другом, пологом берегу, тоже частыми искрами вспыхивал костер, там отдыхали косари, они закончили работу, когда пала роса, и теперь сумерничали вокруг своего костра. Они не пели песен, только слушали транзистор, и томительный блюз разливался над рекой. У них не было шалаша, палатки стояли на лугу, найлоновые палатки, оранжевые и синие, наверное, польские или еще чьи-то, причудливое сплетение природы и цивилизации – транзистор, воткнутые в сочную землю косы остриями кверху, найлоновые палатки и этот первозданный, живой огонь, и упоительный запах свежескошенной травы и реки вперемешку с дымными ароматами позднего ужина, и все учащающиеся всплески бобров, разогнавших в конце концов всю рыбу. Ты помнишь?

Как вернуть эту прекрасную уверенность в том, что в жизни будет все, возможно все и нет ничего недоступного? Как пережить снова этот восторг полного слияния всех красок жизни, когда горячая любовь заливает сердце и зор, и одинаково прекрасны нежные руки и сосна в обнимку с березой, нигде больше нет такого, только там, на том высоком берегу, березка любовно обвивается вокруг розового ствола сосны, и нежит, и ласкает его, а сосна покровительственно раскинула широкую крону над березовыми кудряшками, и, может быть, только молодым и влюбленным видится в этом высокая символика всеобщего царства любви и счастья... Как вернуть все это? Никак не вернуть, можно только хранить в душе.

Время смывает все неумолимо – из жизни, но не из памяти. Теперь уже не взбежать так на обрыв и с обрыва не скатиться звонкой горошиной. Быть может, окажись мы сегодня на том берегу, уже не испытали бы такого восторга. Но это ведь было.

Было и никуда не ушло, живет в душе и согревает ее, и не дает увянуть... А ты уходишь и уходишь. Нет, ты не собираешь чемодан, не делишь имущество, не раскладываешь на две стороны старые фотографии. Мы по-прежнему вместе пьем утренний кофе и прощаемся до вечера, по-прежнему вечером выходим иногда пройтись по преображенным сумерками улицам и потом возвращаемся в наш дом. У нас есть дом, но как же в нем тихо и пусто. Радость поселилась где-то в другом месте, может, на том дальнем высоком берегу реки? И до нее уже

не добраться? И нам нечего рассказать друг другу, кроме воспоминаний? Или это только мои воспоминания, не твои? Ни за что не поверю! Нет смысла призывать тебя вернуться, ты ведь не знаешь, что ушел. Или знаешь? Знаешь? Тогда мне жаль тебя, так жаль! Как жить с этой болью? Как побороть ее? Одному не справиться, надо вместе. Но это ведь не одна боль, их две – твоя и моя. Раньше у нас была одна боль и одна радость. Когда радость уходит, боль множится? Дробится, как разбитый бокал, на тысячи колючих осколков? Но посмотри, ведь и осколок стекла может играть всеми красками и расцвечивать жизнь радостью. Все дело в наших глазах, нам надо заново учиться видеть – себя и мир вокруг нас. Времени у нас осталось мало, надо спешить. Надо успеть...

## СОСЕДИ

Утка уже добрых полчаса как плавает неопикуемыми ароматами по всему дому. Тонкое благоухание розмарина с нотками чабреца и сильным вкраплением английского перца напоминает, что пора уже плеснуть в утятницу ложку рома и бросить горсть чернослива. Кто сказал, что утка должна быть непременно в яблоках? Глупости это, в яблоках должна быть лошадь, а утка – только так, с черносливом, с травами, с долькой лимона. И никакого там лука-чеснока и прочих повседневностей. И обязательно плотно под крышкой, все закрыть и огонь не выше среднего.

На этом самом месте мои интеллектуально-кулинарные размышления прерываются: входная дверь хлопнула. Наконец! Выбегаю в прихожую – никого. Показалось? Ну сколько можно ждать? Пора собираться, через час встречаемся внизу в холле, а его все нет. Видите ли – подсует в его драгоценной школе Олимпийского резерва. Нашел время!

Да и я хороша – дверь в ванную приоткрыта, а я так всегда стараюсь ее плотно закрывать! Как ни старайся, из ванной комнаты не розмарином пахнет, если там постоянно белье сушить. Растяпа. Закрываю поплотнее и обратно, к утке. Ее только оставь без присмотра – улететь не улетит, но сгореть может запросто. Да что за черт, опять дверь хлопает. Возвращаюсь – картина фантастическая: дверь в ванную нараспашку, моя сумка, которая минуту назад висела на вешалке, валяется на полу в прихожей, дверь на лестницу тоже приоткрыта. Кто-то чужой? Открываю сумку – так и есть, кошелек, ау-у!. Там всех и денег-то было рублей пятнадцать, но больше у меня на эту минуту нет ни копейки и еще дня три не будет. Не умрем, конечно, но до чего же противно! И это новый дом, новый замок в двери, все соседи новоселы, как и мы. Кто бы мог подумать! Вроде такие все приличные люди, пока дом строился, можно сказать, подружились, вместе на собраниях кооператива руку поднимали – вопросы жизни, свое жилье. Нам после одиннадцатиметровой комнаты и общей кухни с соседкой, по профессии вдовой полковника, наша трехкомнатная «распашонка» -хрущевка раем кажется. Ну и что, что кухня меньше пяти метров, зато в ванную комнату никто не ломится по утрам. И есть балкон, и кладовка, и соседский кованный сундук там, в покинутом коридоре остался жить, наконец, у меня синяк на бедре рассосется. Вот мы все, новоселы, договорились, сегодня как раз собираемся общее новоселье устроить для всего нашего подъезда. Я утку жарю, Дина с пятого этажа обещала рыбу, нижние соседи взяли на себя салаты. Хорошо, что все одного примерно возраста, все молодые, у всех дети маленькие, есть о чем поговорить, есть на чем подружиться. Посидим там с полчаса – и домой, дело есть срочное на выходные.

И тут у меня дыхание перехватывает от ужаса: дело! В том-то и дело! Кроме этого жалкого кошелька у меня там, в сумке что-то куда более ценное лежало: Светка, сотрудница, единомышленница, можно сказать, мое второе Я, под честное слово дала на выходные самиздатского Солженицына – «В круге первом», только-только начал ходить по рукам! Боже мой, что теперь будет? Ладно, завтра суббота, послезавтра воскресенье, но понедельник же все равно наступит, куда он денется. И что тогда? Где я окажусь уже во вторник? И что будет с моими мужиками обоими? Диме его любимой спортшколы не видать, как своих ушей, а ведь он столько сил вложил, пока ее строил, тренеров искал, деньги выколачивал на оборудование... Не то что директором, ему вообще запретят к детям приближаться. А он куда без них? Я вон жду-не-дождусь, а он с риском нарваться на семейную сцену никак от своего детища не оторвется, вечно мы с ним опаздываем. Да еще вопрос, не заберут ли нас обоих, мы же всякого в жизни навидались. И что дальше делать? Боже милостивый, а с сыночком моим что будет – сиротой ребенка оставлю! Ему же только семь лет, он совсем кроха! Дался мне этот самиздат, не умею сохранить – не надо было и брать! Читала бы себе спокойно Твардовского-Маяковского, «Сын полка» или Агату Кристи, раз такая растяпа.

Про утку я уже забыла намертво, гори она синим огнем вместе с черносливом! Надо срочно что-то делать, но знать бы, что! Так, главное – без паники. Умыться, причесаться, сесть, подумать. Не придут же они сию минуту. В ванную, не раскисать! И тут глаза мои спотыкаются о сверток на полу в ванной. Вот он, мой самиздат, вот он, мой Солженицын, мой «В круге первом» дорогой. Спасена! Вор, миленький, спасибо тебе, ты меня спас и всю мою семью. Пусть тебе мои рубли пойдут на пользу!

Все хорошо! Плакать некогда. Надо утку дожарить. Пора на праздник. И никто! никогда! ничего! об этом не узнает.

Ах, какие получились веселые посиделки! И утка моя не сгорела, и салаты от Нади с первого этажа были один лучше другого, и песни пели на всех языках – от «Имел бы я золотые горы» и «Касиу Ясь канюшину» до «Мехтенесте майне, мехтенесте гетрайе!». А Дина с пятого этажа мало того, что отличную рыбу приготовила – настоящую гефилте фиш, свежую шуку, так еще и сообщила нам, что поймала воровку: услышала скрип двери – вышла, а там цыганка перед зеркалом выуживает из стеклянной лодочки рубиновые серьги.

– Я, конечно, серьги у нее из рук вырвала, дверь открыла и коленом ее, коленом! – весело рассказывает Дина.

– Вот если бы ты ее не коленом, а за шиворот, может, и мой кошелек бы вернула... Ну ладно, я его уже оплакала. – В тот момент я наново пережила весь этот кошмар с самиздатом, он и длился-то всего минуту-полторы, а переживаний выше головы, вон сколько лет прошло, а я все помню, как сегодня.

Вот только спать в ту ночь совсем не пришлось. И вовсе не из-за Солженицына. Нет, мы, конечно, собирались, а может, уже и улеглись – давно все же дело было, мелочи из памяти стерлись. Помню только, что на фоне ночной уже тишины и моего недочитанного самиздата внизу, под нами, начались вдруг истошные крики и странные звуки, как будто стену ломают кувалдой или, хуже того, тараном. Пока мы прислушивались и наскоро одевались, вроде все стихло. Легли – снова крики. Лежим – ждем, через несколько минут истошный вопль Нади:

– Помогите, спасите! – и тут же стук в нашу дверь, слышно, что руками и ногами стучит.

Вскакиваем, открываем – соседка снизу Надя в ситцевой ночной рубашечке, босиком, волосы взлохмачены, глаза, что называется, во лбу, влетает к нам:

– Спасайте, он за мной с ножом гоняется, приревновал. С ним бывает – ему пить нельзя! А он за столом почти не пил, а дома, пока я с посудой разбиралась, чуть не стакан выхлестал – вот кровь в голову и бросилась. Мне полчаса переждать – он и уймется... Извините. Так-то он хороший, только ему пить нельзя, совсем дуреет.

Этот ее сбивчивый и довольно истеричный монолог длится несколько минут, потом Надя замолкает, прислушивается. Внизу тихо.

– Ну ладно, пошла я, теперь все будет тихо. – И она уходит.

Но через мгновение возвращается:

– Ой, беда, скорее, бегом, спасайте, он в ванной заперся и не отзывается. Я боюсь – может, повесился или вены перерезал. Заперся зачем-то...

Бежим вниз все трое. Дверь в ванную заперта, не поддается. Стучим – в ответ тишина. Дима дергает, стучит – глухо.

– Нужен рычаг, дайте что-нибудь!

Бегу в кухню, хватаю первое, что под руку подвернулось, – сковороду с длинной тяжелой ручкой. Дима поддевает дверь, как монтировкой, раздается хруст, дверь открывается, обломок ручки от сковороды с шумом падает на плитчатый пол, но наш доморощенный Отелло даже не шелохнется. Он сидит на полу, спиной опершись о край ванны, обеими руками нежно обнимает унитаз, щекой прижимается к белой пластмассовой крышке и на его красивом, молодом, загорелом лице бабочкой порхает ласковая улыбка. Он спит.

– Дима, молчи, – успеваю шепнуть я.

Молчим все трое долго, наверное, целую минуту. Потом Надя тяжело, со всхлипом вздыхает, поднимает обломок с пола и с обидой оборачивается к Диме:

– Такую сковородку хорошую испортил! Надо же было осторожнее!

\*\*\*

Все рассказанное – чистая правда, дело было в славном городе Минске, этой истории, по моим подсчетам, добрых и недобрых пятьдесят три года, мой сын, тогда первоклашка, сегодня уже дедушка троих внуков. И почему же я вдруг все эти пустяки вспоминаю? Неисповедимы пути Господни, а пути мысли порой можно проследить. Мы потом еще несколько лет жили по соседству с этой парой – Надей и Николаем. Никаких трагедий больше не было, наоборот, парень он оказался дружелюбный и вежливый, не скандальный. Она – хорошая хозяйка, хорошая портниха и любящая без памяти жена.

В один прекрасный день Надя просит:

– Зайди ко мне, помощь нужна.

Захожу с опаской, но никаких драм, сковородок и криков.

– Осмотрись внимательно, – просит Надя.

– Что искать?

– Ничего не искать, осмотрись, как тебе у нас?

– Да, по-моему, как всегда, а в чем дело?

– В том-то и дело, что как всегда. Понимаешь, родственник в Минск приезжает, Колин брат. Не родной, троюродный, но кровный. Знаменитый очень. Боюсь, как бы лицом в грязь не угодить.

– А ты не бойся, все у тебя нормально. Если родственник, ему понравится. У тебя вон какие салаты получаются, все соседи рецепты просят. А кто такой? – трудно удержаться от любопытства.

– Поэт, стихи пишет. Коля говорит, знаменитый. У него та же фамилия, что и у нас. Евтушенко. Я-то не очень, а ты, может, читала?

И было выступление в конференц-зале минской телестудии, читал «Идут белые снеги». А мы все смотрели, как на божество. Стихи есть, а Евгения Евтушенко больше нет. Как поверить?

## САХАР БРОДСКОГО

– Мамзер! Гонев!! Безбожник!!! – шепотом кричит бабушка Мирьям.

В руке у нее свитое жгутом мокрое кухонное полотенце, и бабушка лихо раскручивает его над головой, как ковбой лассо. При этом она резво бежит вокруг стола, путается в длинной юбке, задевая гнутые спинки венских стульев и пытаясь заарканить внука, а тот ловко уклоняется от мокрых шлепков.

Внуку Павлику девять лет, его недавно приняли в пионеры, и с тех пор в богатом лексиконе бабушки появилось новое ругательство:

– Пивоньер, – продолжает она перечислять страшные обвинения. – Байстриук! Негодяй!! Гонев!!! – это уже по второму кругу, крещендо.

Тут ей под ноги подкатывается опрокинутый внуком стул. Бабушка аккуратно ставит его на место, усаживается попрочнее и открывает второй раунд переговоров:

– Пава, ты слышишь, Пава, в следующий раз я тебя таки да достану, и можешь тогда жаловаться маме, сколько влезет, ничего тебе не поможет... Безбожник! Гонев!! Пивоньер!!! – снова шепотом кричит она. Почему шепотом? Так воскресенье же, выходной, соседи дома, могут услышать. Все же она еще не весь пар выпустила и повторяет все свои страшные обвинения снова, на этот раз скороговоркой.

Тут внук не выдерживает. Нисколько не заботясь ни о покое соседей, ни о чести семьи, он кричит во весь голос, со слезой и яростной детской ненавистью:

– Я тебе не мамзер, мой папа геройски погиб на войне! И я тебе не пава, ты сама ворона. Буржуина жаднучая! – он мог бы сказать «буржуйка», но так называется железная печка в углу комнаты, когда ее топят, она раскаляется докрасна, и если на нее плюнуть, то шипит, точно как бабушка Мирьям. А летом печка служит вместо погреба, бабушка в нее прячет суп и молоко, чтоб не прокисли за день. Эта печка толстая и круглая, а бабушка Мирьям – тощая и плоская. Нет, ей больше подходит «буржуина».

– Вот я все про тебя Сталину напишу, – мальчик угрожающе тычет пальцем в черную тарелку репродуктора на стене, почему-то у него имя Сталина четко ассоциируется с голосом из тарелки, – и как ты Богу молишься, и что посылки из Америки получаешь. Он тебе быстро место найдет, будет тебе там сахар Бродского!

Это, конечно, удар ниже пояса. Бабушка в девичестве была Бродская, чем немало гордится и по сей день. Знаменитые сахарозаводчики, правда, если и были родней, то такой дальней, что, скорее всего, и слыхом не слыхали о бабушке Мирьям. Но эта досадная подробность не мешает ей произносить магические слова «сахар Бродского» уважительно, с придыханием, как пароль. При этом она смотрит на собеседника с вопросом в глазах, будто ждет отзыва. Никто, правда, никогда ей не возражает. Кроме внука.

Бабушка Мирьям горестно качает головой, но смолчать она не в силах и продолжает свой монолог:

– Правильно, пиши. Чему еще тебя в твоей школе учат? Твой дядя Аврум ходил в школу, так он тоже писал. Но он писал для дедушки письма поставщикам и клиентам. И теперь он пишет письма. Не Сталину, а мне, своей маме. И какие письма! Но тебе же это не интересно. Твой дядя Исаак тоже ходил в школу, так он задачки шелкал, как семечки. И теперь, слава Богу, неплохо успевает по коммерческой части. У них тебе надо учиться, с них брать пример...

Бабушка еще долго рассказывает, каким мог бы стать Павлик, если бы захотел. Но мальчик ее давно не слушает. Инцидент исчерпан. Ровно на неделю.

Вся эта история повторяется с неизбежностью смены дня и ночи каждую пятницу и находит свое разрешение не раньше воскресенья.

А началось все два года назад.

Павлик рос красивым румяным толстячком, в меру капризным, в меру смышленным. Лицом – весь в бабушку: те же глаза, глубоко посаженные и синие-пресиние, те же слегка оттопыренные уши, тот же нос, который знатоки называют почему-то не еврейским, а греческим. Все его жалели: сирота, отец погиб в первую неделю войны...

Мама Павлика, бабушкина дочка, всю войну работала на номерном заводе, с заводом и вернулись в свой город. А жить негде – дом разбомбили. Получили две крохотные, метров по десять смежные комнатки в большой квартире. В проходной устроились мама с Павликом, в дальней – бабушка с дедушкой.

Деда целыми днями не видно и не слышно. С утра он сидит в своем уголке, старательно набивает табаком папиросные гильзы: жить же с чего-то надо... Подумать только, ведь до «совдепии», всего каких-нибудь лет тридцать назад, у него в Варшаве был свой дом и своя фабрика, а совсем недавно, лет двадцать назад, он на той же фабрике работал инженером-механиком. А теперь вот – папиросник в артели, надомник. «Ну, все же лучше, чем ничего!» – успокаивает его бабушка. Вот деда бабушка Мирьям никогда не ругает, даже если он прольет суп на скатерть. Павлик знает, почему. Ей не интересно: деду что ни скажи, он только улыбается и молчит, никакого удовольствия ссориться.

После обеда дедушка любит прилечь на диван, а свою больную ногу укладывает на табуретку. Нога огромная, как бревно на картинке про ленинский субботник. Павлик, когда узнал, что у деда «слоновая болезнь», очень обрадовался. Он все ждал, что у деда вырастет хобот, и можно будет на нем раскачиваться, как когда-то качал его на ноге папа – Павлик не забыл. Хобот не вырос.

Вообще, с болезнями в семье дело обстоит непросто. У других болезни как болезни – грипп, скарлатина. А тут... Как раз два года назад впервые заболел Павлик. Он и не знал, что заболел. Всей-то и болезни, что очень есть хочется. Так и раньше хотелось. Правда, теперь голод терпеть неумоготу стало. А еще иногда голова кружится – как на качелях, даже интересно. Но мама сказала, надо к врачу. Надо так надо. Пошли. Лысый кругленький доктор, совсем, как в детской книжке, долго расспрашивал маму, что-то писал на листочках, потом Павлика больно укололи – это называлось «кровь на анализ», и еще мама велела пописать в бутылочку... А потом доктор сказал очень смешное название: «сахарная болезнь»... Павлик сразу понял, что без зловредных козней бабушки Мирьям тут дело не обошлось. Конечно, сахар Бродского. Нет, не повезло ему с бабушкой. Ничего хорошего от нее не дождешься.

Теперь в школу Павлику дают кроме кусочка хлеба – «съешь на переменке!» – еще и малюсенький кусочек сахара – «смотри, не съешь, только если плохо станет!». Попробуй не съешь, когда вот он, перед глазами, и ни о чем другом уже думать невозможно! Сахар Павлик съедает еще по дороге в школу, так проще, съел – и нет его. Потом начинаются страдания с хлебом – до первой переменки. Потом до конца уроков – голодные спазмы. Павлик учится во вторую смену, домой приходит вечером. Ужин, обед, все, что подвернется, он сметает мгновенно, но остается таким же голодным, как до еды. И так каждый день, а хуже всего – в пятницу.

В пятницу бабушка занимается уборкой. Павлик хочет не хочет, а помогает ей. Сначала она равнодушным тоном, как бы мимоходом бросает ему:

– Пава, если ты хочешь, так подмети пол.

Какому дураку хочется пометать? Но попробуй откажись, тут тебе припомнят все грехи от самого рождения. И Павлик покорно берется за веник. Потом, когда пол подметен, бабушка так же равнодушно предлагает:

– Теперь возьми ведро и тряпку и старательно все вымой, только не пропускай ничего, а то вырастешь лысым... Если тебе хочется, – не забывает она свою магическую формулу.

Павлик тут же берется за эту ну совершенно не мужскую работу. Однажды он так и сказал бабушке, что мыть полы – это чисто женское дело. С ответом она не задержалась:

– На свете есть только одно чисто женское дело – детей рожать. Все остальное – просто работа. Кто может, тот и делает.

Как-то раз на бабушкино предложение перебрать пшено – совсем уж никчемное занятие – мальчик язвительно спросил:

– Может, тебе еще и ребенка родить?

Что тут началось – не описать. Поэтому он быстренько набирает воды и как попало, лишь бы скорее, моет их крохотную квартирку. Бабушка ворчит: перемывать ведь ей придется. Внук резонно отвечает: «Перемыть же легче, чем вымыть».

Между делом бабушка Мирьям начинает свою еженедельную разъяснительную работу:

– Смотри, Пава, если ты опять... Не я накажу – Бог накажет. Попомни мое слово, тебе еще отольются твои козни. Вот тогда я порадуюсь, а ты будешь слезы лить. И я тебя ни разу не пожалею, можешь на меня положиться... И расскажу дедушке, что ты у него папиросы таскаешь, я сама видела. Ты еще маленький мальчик, зачем тебе папиросы? – бабушка, вдруг пораженная страшной догадкой, разгибается от таза со стиркой и с недобрым подозрением ловит взгляд внука.

Уже от одного только ее «Пава» мальчика всякий раз передергивает. А тут еще такой поклеп. Нет, он не курит и не собирается. Но на соседней улице пленные немцы разбирают остатки разбомбленных домов. Иногда они прекращают работу и с задумчивой тоской смотрят на прохожих. Туда он и носит свои трофеи – дедушкины папиросы. Их удастся стащить, когда дедушка на минутку задремывает за работой. Павлик бдительно ловит этот момент. Совсем немного, штук пять в день, не больше. В ярости защищаясь от клеветы, он и выкладывает бабушке свою тайну. Та поражена:

– Пава, как ты можешь, что ты делаешь, Пава, они же твоего папу убили, разбомбили наш дом, а ты их папиросами угощаешь, да еще у дедушки воруешь, это же его труд, это же наши деньги, что из тебя вырастет! Горе мне... – и бабушка начинает рыдать.

Бесполезно объяснять ей, что папу убил совсем другой немец, фашист, а этот – просто бедный старик, такой же старый, как дед, только без слоновой ноги. И его жалко. С этими мыслями он и уходит в школу, ни на минуту не забывая, что сегодня пятница, целый день ждет, когда наступит вечер. Субботний вечер...

Когда Павлик возвращается из школы, все уже готово. Бабушка празднично шуршит саржевой юбкой, на ее тощей груди красуется крупная брошь – последнее, что осталось с тех времен, когда она была женой фабриканта. Комната светится чистотой. Скатерть на столе – как невеста. Окна блестят. Слоники на комодке сияют. Рюмки в буфете дрожат от нетерпения – ждут, когда в них отразится свет бабушкиной субботней свечи. Дрожит и Павлик – тоже от нетерпения. И вот он наступает, этот долгожданный торжественный момент. Бабушка кладет на край стола субботнюю халу – маленькую, серую, один Бог знает, где она берет муку каждую пятницу. Хала накрывается углом белоснежной крахмальной скатерти, свеча в подсвечнике уже зажжена, и бабушка, подержав над ее пламенем ладони лодочкой, закрывает ими лицо и начинает шептать субботнюю молитву.

«Ура!» – мысленно произносит Павлик. Молитва длится недолго, надо успеть. Мгновение смотрит он на бабушку, и что-то коротко шевелится в его в груди, у самого горла – совесть, а может, голод? Одно движение – и хала у него в руках

...Когда бабушка заканчивает молиться и отнимает руки от лица, внук сидит перед нею с набитым ртом, в руке держит последний, на один глоток кусочек еще не остывшей серой булки и бесстрашно, чтоб не сказать нагло смотрит прямо ей в глаза: все, уже наступила суббота, бури не будет аж до послезавтра.

Суббота тянется долго и мирно. Бабушка сидит над своим молитвенником, дед – «отъявленный безбожник, теперь понятно, в кого внук уродился» – продолжает набивать свои гильзы, Павлик до школы успевает сбежать к немцам на развалины, отдает им папиросы и получает –

нет, не в обмен, а просто как угощение, по дружбе, восхитительную черную горбушку, посыпанную крупной серой солью...

А в воскресенье наступает возмездие.

– Мамзер! Гонев! Пивоньер! Ойцеспешадец! – вытаскивает она пыльное словцо из своего далекого польского детства. – Фашистский кормилец!

– Буржуина! Богомолка! Я Сталину напишу!

Писать Сталину не пришлось. Написали соседи. И написали правду. Действительно, какие-то дальние Бродские прислали из Америки посылку – баночку с каким-то жиром («Некошерный» – покрутила носом бабушка и отдала жир соседям, они-то и написали), коробочку с солеными орешками, пакет мацы – его бабушка бережно спрятала в буфет и заперла на ключ, – и еще какие-то одежки, довольно поношенные. Этого хватило, чтобы маму выгнали с работы – завод-то номерной. Из квартиры, правда, не выселили – все-таки вдова солдата.

Жизнь стала совсем голодной. Немного помогала тетя из Одессы, сестра мамы, бабушкина младшая дочка, – то скумбрии малосоленной подкинет, то помидоров; немного – дядя из Вильнюса, мамин старший брат. Он больше деньгами помогает, понемногу, зато каждый месяц. Да еще дедушкины папиросы – это все. Здоровым голодно, не говоря уж о Павлике.

– Не было бы хуже, – как молитву, произносит каждый день бабушка.

А сахарная болезнь не сахар. Стало трудно учиться, и Павлик перешел в другую школу, а спустя четыре года и ее оставил: начали отказывать глаза. Мама решила взять его в Одессу, к тете. Там, говорят, есть профессор – светило. Возвращает зрение в самых тяжелых случаях. И вот сборы в дорогу. Распоролли дедушкин старый пиджак, перелицевали, но он оказался на Павлика узок, мама целый вечер расшивала, вставляла какие-то полоски. Между тем мама ведет интенсивную переписку с одесской сестрой – надо же стать на очередь к светилу – и с вильнюсским братом – как ни крутись, а денег на поездку взять негде.

Бабушка Мирьям в сборах участия не принимает и вообще ведет себя странно. То подолгу себя в зеркале рассматривает, чего прежде за нею не водилось, то вдруг стала себе какие-то примочки на глаза делать, компрессы из трав, из чая, даже лимон притащила с базара для этих примочек. И это бабушка Мирьям, которая в ее-то годы без очков своим сыновьям письма пишет и видит в окно, когда мама только поворачивает от угла к дому.

Вот Павлик уже почти ничего не видит, а она все продолжает шипеть на него – «пивоньер, безбожник», хотя он давно уже не пионер, вырос.

Накануне отъезда бабушка всех удивила:

– Еду с вами, – непрекаемым тоном заявила она.

– Только тебя мне там не хватало, – без паузы отзывается мама. Она уже вконец извелась с этой поездкой и спокойно слова сказать не может. Даже ежедневный укол сыну проходит под горькие сетования и упреки судьбе.

– А чем я тебе помешаю? – миролюбиво спрашивает бабушка. – В конце концов, у меня там тоже дочка, хочу к ней. И вообще, поезд для всех, кто хочет, тот и едет. Я и не собираюсь в ваши дела там лезть. Одесса – это же курорт. Я еду на курорт. Могу раз в жизни?

Бабушка долго копается в своем большом, заменяющем сундук чемодане. Собирает тощий узелок, складывает в сумку молитвенник в кожаном переплете с застежками («теперь таких не делают»), оба своих платья, немного белья, какой-то незамысловатый подарок одесской дочери.

...В больницу Павлика взяли сразу. Он остался, мама пришла домой одна, бросилась на продавленный диван и зарыдала в голос. Сестра горестно раскачивается, глядя на нее, а бабушка сидит безучастно и, как всегда в последнее время, внимательно рассматривает себя в зеркале. Потом она с видимым удовлетворением кивает своему отражению, достает из сумки тощенький узелок и тихонько, бочком движется к двери. В такой момент?!

– Мама, ты куда? – хором спрашивают дочери.

– Как куда? На пляж. Я же на курорте, – легким тоном отзывается бабушка и неслышно закрывает за собой дверь.

– Профессор, посмотрите на меня внимательно, – старушка в синей сатиновой кофте и тугой белой косынке заглядывает в лицо светила заискивающе и просительно. – Вы видите, у меня с внуком одни глаза, всю жизнь нам это говорили. Только у меня совсем здоровые. У меня даже очков нет. Профессор, я уже видела в жизни больше, чем хотела. Мне хватит. Возьмите мои глаза, профессор, поставьте их внуку...

...Пятница. Бабушка Мирьям с утра торопит время.

Наступит вечер, придет суббота – и она, сотворив молитву, подойдет к внуку и положит на его ладонь теплую халу.

## МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

– Нет, ни за что, и я не обязан объяснять вам, почему! – Илья старается вложить в свой голос весь металл, сколько в нем расплавила ярость при виде этих двух улыбчивых евреев с каким-то гигантским свитком в руках.

Они позвонили в тот момент, когда кофе уже был заварен, бутерброд намазан, а рыжий Рикки уже мирно чавкал возле своей миски с шариками «из отборной баранины с апельсинами». «Кто бы мне купил отборной баранины, хоть и без апельсинов, их вон можно за домом набрать из одичавшего пардеса», – думал Илья, читая в магазине описание собачьего корма, но все же купил мешок – собака-то в чем виновата!

– Но все же почему? – удивляются пришедшие, и улыбки на их смуглых лицах расцветают, как ромашки на пустыре за домом. – Это же сам Шарон, наш Арик, великий человек, герой, победитель! Он столько сделал для страны, для вас, олим! И это ненадолго, оглянуться не успеешь, через две недели выборы, потом мы придем и своими руками снимем этот постер, ничего не побьем и не поломаем, гарантия! Ты хоть посмотри на него, он замечательный, он в самом деле великий!

Эти улыбчивые парни уже прямо тут, на лестничной площадке начинают разматывать свой свиток в попытке уговорить упрямого жильца. Илья останавливает их энергичным жестом:

– Ни один человек, будь он хоть самый великий, не имеет права ради собственной карьеры оставить меня на две недели в темноте, а вы собираетесь завесить его лицом единственное окно в комнате, так не пойдет! И никакой великий человек, будь он хоть трижды великий, не должен думать, что его судьба зависит от того, скольких людей оставят без солнца, сколько окон залепят его портретами в переулке, в районе, в стране. Так что будьте здоровы, займитесь своей политикой в другом месте! Пусть его выберут хоть президентом мира, хоть председателем вселенной, но не через мое окно!

Пришельцы, даже не погасив улыбок, удаляются так же мирно, как и возникли перед тем у его двери, а Илья возвращается на кухню, усаживается к столу перед остывшим кофе и привычно уходит мыслями в свою доморощенную философию: почему обратились именно к нему? Шарон – это хорошо или плохо? а для евреев? И вообще, при чем тут он, Илья Рубин, совсем новый репатриант, почему он должен чем-то жертвовать ради исхода выборов? Ему за это в Израиле его ученую степень признают? Или зарплату прибавят? Может, лет убавят? Или машину дадут? А дача здесь, в Израиле, вообще не нужна, такая страна – где стоишь, там и дача, везде курорт! Только подарков с неба ждать не надо. И насколько он действительно великий, этот Шарон с его удивительной, прямо-таки детской смущенной улыбкой?

С вопросами все нормально, сыплются, как слезы невесты. Непонятно только, где искать ответы. Впрочем, ничего нового, все как всегда, Илья, можно сказать, привык. Так много непонятного в этой жизни, так много вопросов, голова не вмещает, а разобраться пока не получается. И дело вовсе не в том, что все услышанное или прочитанное сначала надо переводить с иврита на русский, а уж потом искать ответы. Дело в том, что он сам пока не понимает, где эти ответы искать. В этой действительности жарко, влажно, непонятно, а в мыслях – как заснеженная равнина, зацепиться не за что. И ему даже не приходит в голову простая истина, что жизнь сложнее, чем задачник, и существуют вопросы, вообще не имеющие ответов, может, просто не стоит задавать их даже самому себе.

Кофе остыл безнадежно, а громкие голоса, звук то ли трубы, то ли шофара и металлический скрежет отвлекают доморощенного философа от созерцательного безделья: за окном бушует жизнь во всей ее насущности. Прямо посреди улицы – бедной, неказистой окраинной улочки в славном городе Холоне – бригада плотников-энтузиастов из числа ликудовского парт-

актива срочно сколачивает мостки, то есть трибуну, а люди уже помаленьку стекаются вокруг, мешают советами, ждут.

Митинг назначен на одиннадцать, сейчас только полдевятого, а вокруг недостроенной трибуны уже, конечно, митингуют, обмениваются мнениями. Илья, прислушавшись, с удивлением понимает, что все их реплики – как раз и есть мучающие его вопросы о смысле жизни, причем многие из собравшихся без тени сомнения дают ответы на них. И когда над новорожденной трибуной взлетает транспарант с криво написанным лозунгом «Шарон – мелех Израэль!», Илья вдруг неожиданно для самого себя раздвигает створки окна и внимательно вслушивается, всматривается, вникает в происходящее. А происходящее, похоже, фонтанирует неожиданностями: на трибуну гуськом поднимаются несколько человек, и лица все сплошь знакомые, виденные на страницах газет, на плакатах-растяжках, на экране телевизора. Впереди всех грузно и одышливо шагает тот самый Шарон, «мелех Израэль» – «царь Израиля», на лице его порхает та самая застенчивая тинейджерская улыбка, седые волосы развеваются то ли от слабого ветерка, то ли от дышащих в затылок соратников («политики хреновы!» – Илья делится мыслями с Рикки, тот соглашается).

Маленькая площадка перед домом уже полна людей, все пристально слушают пока только отдельные реплики, перебрасываются своими мыслями, не обращая внимания на призывы к тишине. Толпа волнуется, как хлебное поле, мирно, но неизменно.

Илья уже целый год живет в Израиле, снимает жилье на окраине города, в старом и не слишком престижном доме и очень стесняется, когда его называют «оле хадаш», тут же поправляет дурашливо:

– Скорее, Оле-Лукойе.

Не всегда шутку подхватывают, порой смотрят на него, как на придурка. Да и как смотреть на человека, который, дожив до седин (хорошо, что не до лысины, – краем сознания всякий раз отмечает Илья), оказался на нуле и не готов начать сначала?

В первое время жена при каждом его звонке говорила: вот кончится учебный год – сразу и приеду. Она в педучилище психологию преподает. Потом – надо отдохнуть. Потом оказалось, что мать болеет, нужен уход. Потом открытым текстом сообщила:

– Знаешь, две жизни никто не живет, мне свою менять нет резона.

– Но послушай, мы же столько лет вместе, как ты без меня, – Илья как-то не был готов к такому удару, – ты хоть приезжай посмотреть, сразу поймешь, что здесь жить лучше!

– Лучшее – враг хорошего! – парировала она и попросила не беспокоить.

На том закончилась семейная жизнь. Детей не нажил, жену – как тут сказать? То ли потерял, то ли разобрался, что ее и не было. Жили рядом, постель и хлеб делили, но разве это жена?

Илья давно уже спрятал свои «корочки» – университетский красный диплом, кандидатское удостоверение и прочие свидетельства не напрасно прожитой прошлой жизни в самый нижний ящик комода. Письменного стола он так и не приобрел, да и зачем? Такое рабочее место ему теперь не по чину, скорее, нужна новая метла да тачка, наподобие тех, что на подмосковных дачах в ходу, – листья свозить осенью к кострам, картошку или яблоки до погреба довести. Впрочем, муниципалитет орудиями труда обеспечивает, знай убирай улицы да площади. Его дважды коллега, в прошлом инженер легкой промышленности то ли из Полтавы, то ли из Старой Русы, в настоящем – работник муниципалитета, проще сказать, дворник как-то, выходя на утреннюю уборку, раздраженно заметил:

– Повезло им, что мы приехали, без нас бы уже захлебнулись в дерьме, наверно!

– А вы бы хотели, чтоб они с нами захлебнулись? – миролюбиво откликнулся Илья. – Что мы с вами можем? Языка не знаем, реалий не знаем, легенды про медведей на российских улицах все еще живы в наших палестинах, на что мы можем рассчитывать для начала? Старт у всех

нас одинаковый – нулевой, дальше каждый – сам себе лягушка в кринке с молоком, главное – не устать трудиться с этого самого нуля, – и Илья энергично заскреб метлой по тротуару.

Вот за целый год он впервые попал на политический митинг, да и то через окно. Оказывается, интересно, он прислушивается, старается не пропустить ход и направление выступлений, тем более, что Шарон уже взял в руки микрофон и даже начал говорить, Илья слышит высокий, почти дискантовый голос, но слова уловить не удастся, так что и пытаться понять не стоит. Да и не получится, опять звонят в дверь. Он идет открывать, уже заготовив все слова, включая на худой конец и ненормативные. Надо же как-то себя защищать от наглецов!

Наглецов за дверью нет, а стоит ближайшая соседка – дверь в дверь, Илья даже уже запомнил ее имя – Йохевет. Молодая еще женщина, высокая и сухая, не улыбочивая, красивой при всем желании не назовешь. Илья ее одну никогда не встречал, всегда или с сыном, маленьким кудрявым херувимчиком, или с мужем, взрослым уже, но тоже херувимом – красавец-брюнет, с виду совсем ей не пара, но живут вроде дружно, часто вместе выходят, никогда громкого слова за стенкой не слышно. Иногда она звонит в дверь, по-соседски, совсем как в прежней жизни, может попросить стакан молока или ложку соли, а то ключ, бывает, оставит – мальчик вышел без ключа, а ей уходить. Мирные соседи, повезло.

– Послушай, я хочу тебе что-то сказать важное.

– Подожди, там митинг, интересно послушать!

– Да что там может быть интересного! Сегодня тебе расскажут, что лучшая партия – «Ликуд», завтра придут другие, скажут, что для евреев лучше «Авода», но сначала сломают эту трибуну и построят свою. А у меня к тебе важное дело. Послушай. Сегодня у моего сына Томера день рождения, ему исполняется шесть лет. Придут его друзья, я все приготовила – шарики, колу, бутерброды. Поверь мне, я не виновата, что его родная мать погибла. Сам он не помнит ее, меня мамой зовет. А вот его бабушка и дедушка меня знать не хотят. Какой праздник без старших, какая семья? Я тебя очень прошу, ты же сегодня не работаешь, пойдём к нам, побудь, как будто ты дедушка. Это же не трудно, а мальчику будет приятно. Оставь митинг тем, кому делать нечего. Пожалуйста, будь хорошим соседом! Знаешь, как у нас говорят: близкий сосед лучше далекого брата.

«Ну что ж, – сам себя уговаривает Илья, – политиком в этот раз я уже точно не стану. Да и, если быть честным, не мое это дело. Они все такие убедительные – у кого в руках микрофон, у того на языке правда. Поди разберись. Ясно, что все врут, неясно пока, чье вранье хуже».

Он между тем уже лихорадочно роется в ящиках комода – надо же что-нибудь подарить имениннику, а мысли скачут в насмешливом галопе: «Дедушка? Это я уже дедушка? Новое ноу-хау, минуя фазу отцовства? А что, тоже красивый титул. Теперь буду знать, зачем я здесь нужен, а то „земную жизнь пройдя до половины“, все еще жду, когда наступит будущее. Хотя вполне понятно, что оно уже давно стало настоящим и понемногу превращается в прошлое. О, вот оно, то, что надо, – лупа в пластмассовой оправе и в коробочке. Парню самое то, пусть хорошенько узнаёт истинную меру вещей, может, точнее, а главное вовремя найдет свое место в жизни».

Херувимчик Томер вежливо принимает соседа, объясняет своим малолетним гостям:

– Зе саба Гиль (Илья и не знал, что он Гиль!), ху гар мулену (это дедушка Гиль, он живет напротив), – а руки мальчика проворно разворачивают подарок, достают лупу из коробочки, и он тут же забывает про соседа, про гостей и даже про колу: жизнь сразу увеличивается в разы, царапина на коленке превращается в боевую рану, а глиняный солдатик – в свирепого сарацина, мальчик, задохнувшись от восторга, оглядывается на свою компанию, протягивает приятелям игрушку царственным жестом: – смотрите, как интересно! – и тут же бросается Илье на шею, обнимает крепко и дышит ему в ухо громко и часто.

А Илья вмиг принимает и новое имя Гиль, и новый сан – дедушка, все его чувства плывут, словно это в самом деле его внук, а сам он – настоящий дедушка, и только краем сознания еще

успевают подумать: где она, та лупа, чтоб еще на берегу показала, куда течение вынесет, куда дорога повернет. Или хотя бы по ходу жизни научила бы отпускать вчерашний день без боли и отделять будущее от прошлого.

## ВЯЗЬ ВРЕМЕН-евреи с улицы Шопена

Борька позвонил в пятницу после работы:

– Вечером не засиживайтесь допоздна: утром вставать не позже шести, едем смотреть Израиль.

Какой там засиживаться! После рабочей недели в глазах темно, телевизор – вот он, новенький, блестящий, да и все равно ни слова не понимаем на иврите, смотрим на экран, как бараны на ворота. Так что почти и не включаем даже, стоит себе, как мебель, наподобие обязательного хрусталя в совковом интерьере. Но смотреть Израиль – это кто ж откажется! Сейчас сделаю бутерброды, поставлю в холодильник бутылку содовой и – спать. Почитать бы хоть полчасика, да буквы перед глазами прыгают, как блохи на бродячей собаке: полный рабочий день читала завтрашнюю газету, работа у меня теперь такая.

В 6.30 звонок в дверь. Наш Борька, стойкий оловянный, с пакетом сосисок в руках и широкой улыбкой на лице – само нетерпение.

– Ну, готовы?

– Минутка, только воду взять и бутерброды.

– Это как раз зря, все уже в машине, оставьте на ужин свои заготовки. И вот сосиски положи в холодильник.

Четвертый месяц пошел, как мы уже израильтяне, хоть бы раз он пришел с пустыми руками, нет, каждый день успевает перед работой заскочить, что-нибудь подвезти – из еды, из кухонной утвари, губную помаду, сигареты, полотенца. А ведь мы живем в разных городах!

– Боренька, мы уже работаем, зарплату получаем, остановись.

А он улыбается почему-то виноватой улыбкой:

– У меня пока зарплата больше, потом разбираться будем. А пока – в путь.

И мы пускаемся в очередное олимовское путешествие – смотреть Израиль. На этот раз по приморскому шоссе, вдоль берега, на север, в сторону рыбных хозяйств на искусственных водоемах. По пути заезжаем в мошав за клубникой. По пути мне объясняют, что мошав – это деревня.

– Но если ты ожидаешь увидеть что-то наподобие литовской деревни, то зря. Ничего общего. Только конечный продукт – дары земли, и то они разные. Остальное все иначе. В мошав-вах люди, как правило, более состоятельные, чем в городах.

В этой же поездке убеждаюсь – так и есть.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.